

Раздел 1. ИССЛЕДОВАНИЯ

1

Новая экономика: оптимальные модели *

Р. С. Гринберг

В статье рассматриваются противоречия глобального мира: в экономике, финансах, политике, анализируются реальные и кажущиеся парадоксы развития, оптимальные модели будущего, автор обсуждает тупики и опасности некоторых тенденций, рассуждает о возможных выходах из них.

Ключевые слова: новая экономика, оптимальные модели, глобализация, Pax Americana, Pax China, Евразийский Союз.

Одна из моих востребованных тем – о новых оптимальных моделях будущего, той экономике, которую мы все ожидаем, но не очень понимаем, как она будет развиваться. Здесь весьма уместна оценка той ситуации, в которой находятся экономическая наука и экономическая практика. Она очень напоминает такую шутку. Встретились представители четырех областей знаний – медик, архитектор, экономист и социолог; начали они спорить, чья профессия самая древняя. Доктор медицины сказал: «Конечно, самая древняя – моя. Если вы помните, сначала Адам был один, а нужно было из его ребра создать женщину. Как вы понимаете, это целая операция, анестезия нужна. В общем, нужен специалист. Поэтому понятно, что мы и были самыми первыми». Ему возразил социолог, сказав, что все-таки надо было вначале спросить у Адама, вообще эта женщина нужна ему или нет, это же дело вкуса; значит, все-таки его опрашивали, поэтому профессия социолога более древняя. На это возразил архитектор, цитируя Библию, в которой ясно написано, что была тьма, хаос кругом, и понятно, что Создателю нужно было создать какой-то дизайн, чертеж мира, а значит, необходим архитектор. Но на это скромно отреагировал экономист: «Интересно, а хаос откуда взялся?»

Эта шутка подчеркивает, что мы живем в такое время, когда понятие «хаос» лучше всего определяет ситуацию, которая складывается как в

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 14-02-00330) на основе доклада на XXII Собрании членов Международного союза экономистов в Лас-Вегасе (США), январь 2013 г.

экономической теории, так и в экономической политике. Методом проб и ошибок люди, избранные и неизбранные, монархи и президенты, премьер-министры и министры пытаются каким-то образом сохранить статус-кво, который существует в мире, а может быть, даже повысить его. Но все равно чувствуется очень сильная растерянность по этому поводу, поскольку старые схемы, которые более или менее надежно работали в 1950-е, 1960-е, 1970-е, 1980-е и даже в 1990-е гг., по-видимому, уже не работают или работают не так, как ожидалось. Похоже, мир стоит на пороге какой-то новой экономики. Многие мечтают о новой экономике, многие экономисты, социологи и философы говорят о том, что мотивация человека должна быть изменена, потому что у нас слишком много консюмеризма, а это очень плохо. И вообще, экономика переживает трудные времена, потому что наука привела к тому, что 1 миллиард человек живет более-менее прилично и, самое главное, долго, общество стареет, женщины перестают рожать, а думают только о своей карьере или совсем о другом. И в этой ситуации не очень понятно, какая мотивация должна быть в современной экономике для того, чтобы она была более-менее стабильной и удачной.

Если вы помните, 20 лет назад один американец японского происхождения – Френсис Фукуяма очень удачно назвал свою статью. Многие люди хотели бы войти в историю только после публикации единственной статьи. Он назвал ее «Конец истории», тем самым вызвав очень бурную дискуссию от Китая до Бразилии. Тогда он написал, что, вообще-то говоря, мировая экономика более-менее проста. Надо придерживаться трех вещей, а именно: свободного рынка, плюралистической демократии (очень важно – именно плюралистической, а не народной, никакой другой, не суверенной) и гражданского общества. Если это у вас получится, то вы обречены на успех. И тогда это казалось более или менее справедливым.

Но прошло буквально 10 лет, и все опять запуталось, растворилось. Сейчас эту статью вспоминают только в качестве основания для дискуссий о том, что мир непредсказуем. И данное обстоятельство очень серьезно ухудшает шансы на какое-то общее понимание хотя бы контуров будущего мира. Теперь очевидно, что после кризиса 2008–2009 гг. мир находится в некоторой депрессии. Хотя, конечно, находясь в Монре́ или Лас-Вегасе, даже в Москве, не очень понимаешь, о чем идет речь. Но мы не должны забывать, что в мире живет 7 млрд человек, из них 1,1–1,2 млрд, по разным понятиям и по различным данным, живут более или менее прилично, остальные все-таки едва выживают. Да и в каждой успешной стране количество выживающих в последнее время резко возросло, даже в Соединенных Штатах Америки, которые так или иначе служили примером экономического дизайна и экономической политики.

Происходит существенное сужение среднего класса, а это считается самым большим грехом в современном мире, потому что если нет среднего класса, тогда непонятна задача, которую решает правительство. В конце концов, средний класс явился основным достижением человечества второй половины XX в., и даже в СССР он имел место в 50–60-е гг., несмотря на то, что по абсолютному потреблению СССР, конечно, сильно уступал Западу, но все-таки он сложился. И сегодня ставится задача каким-то образом его восстановить. Однако похоже, что сделать это не так-то просто.

Важно подчеркнуть, что этот выход из кризиса, наверное, лучше всего осуществляется именно в Америке. Хотя не очень понятно и для самих американцев тоже, почему увеличение ликвидности, которое должно было бы усилить экономическую активность, не приводит к бурному или хотя бы к заметному экономическому росту. Но, с другой стороны, надо понимать, что если бы не было политики *quantitative easing*, «количественного смягчения», что на русском языке означает печатание денег, то, наверное, наступила бы очень мощная рецессия.

В Америке, Европе и России ведутся споры о том, что же должно делать правительство, если частный спрос весьма вялый. А частный спрос действительно очень вялый, по моему представлению, он сильно угнетен. Я с самого начала утверждал, что многие экономисты и в России, и в мире со мной не согласны. На самом деле есть разные теории, которые объясняют сегодняшний кризис, и они часто являются диаметрально противоположными.

Например, в России сейчас является очень модной доктрина длинных волн нашего замечательного соотечественника с трагической судьбой Николая Дмитриевича Кондратьева, который говорил о том, что такого рода кризисы бывают каждые 50 лет в результате начала нового экономического уклада, о котором заявлял Виктор Наумович Красильников как о якобы уже аксиоме. Будучи президентом Фонда Н. Д. Кондратьева, я все же с некоторым скептицизмом отношусь к этой теории. Все-таки здесь слишком много неопределенного, очень трудно сравнивать данные разных десятилетий. Похоже, здесь очень много мистики, когда каждые 50 лет происходит что-то, неподвластное человеческому разуму. Но так принято считать. А академики В. Полтерович и С. Глазьев говорят о том, что есть некая инновационная или инвестиционная пауза, связанная с тем, что мир переполнен товарами и услугами и дальше нечего производить.

Если совсем примитивно выразиться, в мире есть два миллиарда человек, у которых имеются мобильные телефоны, а у остальных пяти миллиардов нет денег, чтобы их купить, но первым двум миллиардам уже не всегда хочется их менять. Короче говоря, нужны какие-то новые продукты для того, чтобы возникли новый бум, новые инвестиции, новый оптимизм. А этих новых продуктов нет. Говорят о нанотехнологиях, биотех-

нологиях, о многих других вещах и ожидают, что каким-то образом появятся новые товары, в результате чего будет развиваться новая экономика. Я, честно говоря, в это верю мало, ничего экстраординарного не должно произойти.

Не очень понятно, о чем идет речь, когда говорят о том, что нам сейчас важно «оседлать» эти новые экономические сектора, и тот, кто их «оседлает» быстрее, как гласит эта доктрина, окажется в лидерах. Можно спорить на эту тему, здесь есть многое за и против. Я придерживаюсь более простой доктрины тучных и тощих лет. Хочу напомнить, что перед кризисом 2008–2009 гг. был «золотой век» капитализма, совпавший со 130 месяцами экономического роста в США. Неважно, на чем он был основан, но он все-таки был, и этот рост был реальным. Реальным в том смысле, что в постоянных ценах валовой внутренней продукт увеличивался 130 месяцев. Вы представляете себе, что это такое. Если у вас месяц светит солнце, второй, третий, год, два, три, пять, то понятно, что вскоре вы уже теряете ориентацию, вам кажется, что солнце будет светить всегда. А оказывается, это не так. И когда произошло схлопывание этого финансового «пузыря», казалось, что это быстро пройдет. Но случившееся настолько повергло в уныние все человечество, что кажется, нет никакого оптимизма по поводу будущего.

Здесь следует отметить существование двух мифов, которые прижились в мировой экономической литературе, о том, почему вообще растет экономика. Первый говорит, что главное в этом процессе – инвестор, капиталист, менеджер и общество, если оно хочет развиваться, должно его поддерживать. Второй миф говорит о том, что это неправда, что главное в современной экономике – спрос. А спрос – это многочисленный средний класс, у него должны быть деньги. И ваши дурацкие мерседесы и тойоты никто не станет покупать, будь вы даже очень умелым продавцом, если не будет покупателей. Надо сказать, что этот спор длится примерно 200 лет. И сегодня в Америке он тот же, что и раньше. Республиканцы против Обамы – это классический вариант «стенка на стенку», в качестве выразителей противоположных мифов.

На самом деле в каждом мифе есть доля правды, но похоже, существует проблема нахождения баланса между двумя этими взглядами. Я лично твердо убежден в том, что политика Обамы абсолютно рациональна, она единственно правильная. Я называю это «возврат к гуманному капитализму» 1950-х и 1960-х гг., поскольку в последние 30 лет был нарушен естественный ход вещей – сделан очень серьезный крен в сторону поддержки потенциальных инвесторов, работодателей. Отсюда эта проблема «фискального обрыва», которая существует сегодня. Во времена Буша были введены очень серьезные льготы для богатых, они были временными, но на самом деле продолжали действовать все последнее время.

В результате плоды экономического роста доставались все меньшему количеству людей, и для того чтобы процесс воспроизводства мог продолжаться, исчезающий средний класс должен был брать деньги в кредит. Эта кредитная культура очень мощно развивалась в 1990-е и 2000-е гг. и в значительной мере стала, как метко выразился Б. Обама, культурой безответственности. То есть сами кредиторы ссужали деньгами кредитополучателей, ни в коем случае не заботясь о том, вернутся ли эти деньги назад. Надо сказать, что сегодня Америка и по сей день не может вырваться из этой ситуации. Но похоже, нет никаких ясных рецептов, как добиться здоровой экономики со здоровым кредитом. Тем более никто не знает, какой государственный долг может позволить себе Америка, если сегодня он уже превышает валовой внутренний продукт, что является, согласно любому учебнику экономики, совершеннейшей безответственностью.

Но в то же время мы живем в мире, который переполнен деньгами. И инвесторы, когда не знают, куда их вкладывать, покупают американские ценные бумаги. Удивительно, но сегодня это самое надежное вложение денег, когда у вас нет экономической активности и вы твердо знаете, что не будет какого-то роста в реальном секторе. Так или иначе, мы видим перед собой феномен. С одной стороны, он внешне чисто экономический, то есть не очень понятны сферы вложения капитала, а с другой – чисто психологический, потому что инвесторы не инвестируют, так как не уверены в том, что инвестиции вернутся, а потребители подавлены, потому что не уверены в сохранении своих рабочих мест. Еще Дж. М. Кейнс и Л. Эрхард говорили, что больше 50 % экономики – это психология. И похоже, так оно и есть.

По этому поводу я бы сказал, что просматриваются некоторые тенденции, которые мы изучали в нашем институте и пришли к выводам, которые я просто обозначу, не вдаваясь в подробности, углубляясь не в каждый тезис. Итак, мы имеем сегодня четыре возвращения, и это реально. Первое: мы наблюдаем возвращение циклов. Еще совсем недавно, лет пять назад, предполагалось, что циклы преодолены.

Вторая тенденция – это централизация и концентрация капитала, в точности по К. Марксу. Хотя еще совсем недавно в связи с началом компьютерной эры казалось, что *small is beautiful* («малое прекрасно») и компьютерная революция дает возможности избегать гигантомании. Сегодня мы видим, что во всей мировой экономике очень серьезно происходят *mergers and acquisitions*, это называется у нас «слияния и поглощения». И похоже, что мир сталкивается с серьезной проблемой концентрации этого процесса, по-видимому, возникает очень большая потребность в его регулировании.

Третий пункт очень важный и спорный, я подвергаюсь очень серьезным нападкам в последнее время из-за этого тезиса. Я называю это «возвращением материальной экономики», хотя я категорический противник идеи постиндустриальной экономики. Но, вообще-то говоря, это диссидентский взгляд. Я просто хочу подчеркнуть, что в мою пользу, в пользу моего тезиса, говорит возвращение материальной экономики после эры искусственной финансовализации, когда финансовый сектор вместо служанки экономики стал ее госпожой. Это очень важный момент, по большому счету экзистенциальный для человечества.

Я противник всяческих конспирологических теорий по поводу того, что есть какие-то американцы, которые через масонские ложи управляют нашим миром. Это, конечно, ерунда. Но существует объективный феномен, он был создан в последние 30 лет – так называемая финансовая олигархия. Это очень мощные ребята. Кстати, для меня было неожиданно, что они, между прочим, сами стали следовать тем рецептам, которые предлагали постсоциалистическому миру для трансформации. Это очень интересно.

В последнее время было написано много работ на тему конкуренции двух гигантов. Когда вы лишаетесь мощного конкурента, вы глупеете. Имеется в виду противостояние СССР и США. Оно было во многом иррациональным, несколько раз мы стояли на грани ядерной войны, но что бы ни говорили сегодня, в нем было много интересного. Во-первых, была борьба за экономику для всех. Впервые в результате этой борьбы был создан средний класс. В этом смысле Октябрьская революция, как бы к ней ни относились, была таким прототипом общества справедливости, в каком-то смысле такое общество реально было создано. Другое дело, что преступления социализма, может быть, перевешивают эти преимущества. Но данные преимущества должны быть осознаны, что очень важно.

Возвращение материальной экономики после тридцатилетия господства финансов, мне кажется, можно доказать на примере двух стран, которые могли бы завалить товарами весь мир, другие страны просто в этой ситуации не нужны. Было бы разделение труда между Китаем и Германией: Китай – потребительские товары, Германия – инвестиционные товары, машины и оборудование. Именно эти страны наименее болезненно переживают кризис, именно они с более высокими темпами роста выходят из кризиса и в сущности являются локомотивами этого выхода. И именно эти страны не увлекались ни финансами, ни сферой услуг, хотя у них имеются всякого рода проблемы. Но они не поддались этой моде англосаксонского мира на дерегулирование в финансовой сфере, хотя тоже от этого пострадали. Тем не менее материальная экономика, несмотря на то, что есть общая тенденция ее некоторого снижения, все время присутствует. С другой стороны, именно Китай и ФРГ являются ярким выражением

приверженности к реальной экономике. Неслучайно даже Б. Обама и Д. Кэмерон, лидеры двух стран, которые поддались этому искушению финансов, серьезно обсуждают в своих речах вложения в инфраструктуру. Это очень напоминает наши обсуждения. И очень любопытно, что если у нас деиндустриализация (я всегда говорю это с иронией) и постиндустриальный мир состоялся в том смысле, что деградирует обрабатывающая промышленность, примерно с таким же успехом можно говорить и о том, что происходит с финансовой инфраструктурой в англосаксонском мире. И это вызывает, естественно, очень серьезную озабоченность.

Наконец, четвертое возвращение – это возвращение государства. Исторический спор о том, сколько нужно государства в экономике, не стихает. Сегодня мы видим некое отрезвление по поводу рыночной экономики без первого прилагательного – социальная рыночная экономика. То есть возвращение социальной рыночной экономики, по крайней мере в риторике, очевидно. Это значит, что идет борьба за увеличение государственной квоты. Есть такое понятие – «государственная квота», как отношение государственных расходов к валовому внутреннему продукту. Как измерять благосостояние разных стран, сравнивать их? Пожалуй, нет ничего лучше индекса человеческого развития, который предложила Организация Объединенных Наций. И страны, которые занимают первые места в этом рейтинге, имеют государственную квоту более 50 %. Хочу заметить, что в России это 32 %. Даже в нашей стране! Россия в данном смысле – самый лучший ученик рыночного фундаментализма, и похоже, эта мода продолжается. К этому я еще вернусь, когда мы будем говорить о России.

Таковы эти четыре возвращения. Они очень важны с точки зрения того, что это не отклонение от тенденции, это начало тенденции. Но есть и новые явления, о которых я тоже хотел бы упомянуть. Первое – мы имеем уже абсолютно доказанное антропогенное вмешательство в нашу жизнь, в жизнь планеты. И природные катастрофы, очевидно, в значительной мере связаны с человеческими действиями. В этой связи наряду с информационной революцией и распространением финансовых операций в качестве мировых, полностью открытыми границами и полной победой глобализации мир нуждается в наднациональном органе. Это самое большое противоречие времени. Мир нуждается в наднациональном правительстве, грубо говоря, в мировом правительстве. И точно так же очевидно, что его не будет, потому что национальный эгоизм превыше всего. Я считаю, что это, как говорили раньше, кризис империализма, главное его противоречие. И это очень важное противоречие.

Мы видим на примере Европы, как сейчас ведутся дискуссии по поводу того, кто кого кормит. Точно так же, как в конце существования Советского Союза. Сепаратистские конфликты: Каталония не хочет оставаться в Испании, Ломбардия – в Италии, Шотландия хочет выйти из

Британии. Я считаю, это абсолютно иррациональные вещи. Я всегда думал, что только в Советском Союзе могли так глупо поступить с самоопределением. Особенно когда сама Россия первой вышла из регионального блока – это вообще выглядело большой экзотикой. Здесь такого не происходит, главные страны не выходят, но выходят другие, что точно так же глупо. По крайней мере, эта дискуссия – кто кого кормит – бурно развивалась, как вы помните, в конце 1980-х – начале 1990-х гг. у нас, и сегодня она ведется в Европе. На самом деле если Европа хочет выжить, то она нуждается в еще большей интеграции. Значит, помимо валютной интеграции нужна финансовая, банковская и фискальная. Но здесь возникают проблемы национального суверенитета. Это очень мучительное дело. Нет желания передавать эти суверенитеты куда-то дальше, в Брюссель. У нас это тоже, конечно, происходит. Например, Александр Григорьевич Лукашенко хочет участвовать в денежном союзе, но чтобы у него тоже был денежный станок, что является, конечно, смешным, но тем не менее он считает, что это нормально. Вследствие этого, разумеется, мы не можем ожидать какой-то валютной интеграции. Но это другая тема, хотя она очень важна для страны.

Итак, императив глобального регулирования. Мы живем в большой деревне, нужен сельсовет, сельсовета нет, поэтому потенциальные конфликты очень мощные. Нельзя, например, регулировать финансовые операции... Это смешные вещи. Можно по-разному относиться к налогу, который ввел Ф. Олланд или хочет ввести Б. Обама. Я лично его приветствую, поскольку здоровое общество – это здоровый средний класс, а это означает его всемирную поддержку.

На самом деле, конечно, мы видим, что здесь очень серьезная проблема с точки зрения, например, единой валютной системы. Доходит до того, что многие серьезные люди сегодня (я даже не ожидал этого) призывают к возврату золотого стандарта, чтобы освободиться от этого якобы ненавистного доллара. И, конечно же, они исходят из соображений справедливости. Сколько я себя помню, все время с этим ведется борьба. Еще в 60-е гг. Ш. де Голль, узнав о том, что американцам не надо ничего продавать, а просто спуститься в подвал и напечатать сколько угодно мировых денег, был в бешенстве и даже распорядился поменять все доллары на золото, которое еще соответствовало Бреттон-Вудским правилам. Правда, это ничем не закончилось, потому что немцы и вообще все европейцы его не поддержали, да и сегодня никто не поддерживает. И некоторых наших экспертов, которые, к сожалению, пользуются очень большой популярностью, поскольку люди любят слышать про плохое: им не удается узнать, что же будет, когда погибнет доллар... А на самом деле если вы не знаете, что будет после доллара, то вы не должны даже и думать о том, что это произойдет. Ясно, что будет бартерная торговля и больше ничего.

А это парализует всю мировую торговлю вообще. Мир имеет единую экономику. Это значит, что должен быть единый эмиссионный центр, и нет никаких шансов, что он возникнет. И с этим противоречием придется жить. Здесь, похоже, имеется какое-то паллиативное решение – это олигополия в валютной системе, когда несколько валют будут определять всю структуру мировой валютной системы. Но мне не верится, что в ближайшее время доллар возможно чем-то заменить. Это примерно такие же разговоры, как и о международном языке эсперанто. Это было бы правильно, если бы все говорили на эсперанто, у англичан и американцев не было бы такого преимущества с английским языком. Но кажется, что это неосуществимо и нереалистично. Даже в Европейском союзе превалирует английский, потому что греку и шведу, которые не находятся в Едином союзе, легче общаться по-английски. Такая же история и с долларом. Однако похоже, начинается эра сокращения доли доллара. Этот процесс будет очень долгим.

Следующая дилемма, которая стоит перед миром, я бы назвал ее «бу-мерангом глобализации». Речь вот о чем. Мир не ожидал, что открытие границ приведет к тому, что развивающиеся страны научатся производить высокотехнологичные продукты точно такого же высокого качества, как и западные страны, но только в десять раз дешевле. И неизвестно, что делать с этим противоречием. Здесь выбор сродни выбору между холерой и чумой: либо вы снижаете социальные стандарты собственного населения, что в демократической стране абсолютно невозможно, либо вводите протекционистские меры, что является абсолютно невозможным в этом глобальном мире. Сегодня об этом мало говорят, но здесь существует очень серьезная проблема, поскольку мы всегда думали, что китайцы будут делать исключительно теннисные мячи, плащи и игрушки, а оказалось, они могут делать все и, стало быть, могут все продавать. В этом смысле, например, призывы американцев к ревальвации юаня кажутся лицемерными, поскольку я не думаю, что американцы перестроят свою экономику на ширпотреб. Мне кажется, это нереалистично, даже если китайцы и поддадутся их требованиям.

Вообще говоря, возникает еще одна серьезная проблема – миграции трудовых ресурсов в развитые страны. Похоже, что без этого не обойтись. Но, с другой стороны, есть противоречие: культура автохтонов, то есть культура местного населения, в общем-то разрушается под наплывом мигрантов. И, наверное, 10 % – это тот самый рубеж, который могут выдержать страны. Как решать данную проблему, тоже не очень понятно, хотя я считаю, что все разговоры о кризисе и упадке мультикультурализма лишены оснований. На самом деле Европа представляет собой в общем-то хороший пример решения этих проблем, как, впрочем, и Америка.

Ну и наконец, последнее, о чем я хотел бы упомянуть перед тем, как перейти к России. Многополярный мир или многополярный хаос? У нас в России ратуют за многополярный мир, это очень красиво. Но похоже, мы «вползаем» в эпоху многополярного хаоса. Мне кажется, что это очень опасный момент, потому что американцы уже не только не могут, но и не хотят вмешиваться, несмотря на всю звучащую у нас антиамериканскую риторику. Они понимают, что путь с вершины, как говорят китайцы, ведет только вниз. Мой друг академик Н. П. Шмелев вообще говорил, что лет через десять, может быть, раньше из Вашингтона будут звонить в Пекин и спрашивать, что можно делать, а что – нельзя. И это принципиально меняет облик мира и облик экономики, потому что тогда возникает проблема координации не только экономической, но и внешней политики. Было понятно, как действует биполярный мир, более-менее понятно – как однополярный, как работает Pax Americana (и он еще работает, но уже «клонится к закату»). Но не очень ясно, как будет работать Pax China. С одной стороны, Китай ведет себя сейчас очень прилично, но неизвестно, как события будут разворачиваться дальше.

Мне кажется, в данном случае у России, как это ни странно, возникают очень большие шансы на роль балансирующей силы, и это чрезвычайно ответственная вещь. Действительно, существует много противоречий между такими гигантами, как США, Индия, Китай. И Россия могла бы участвовать в этой игре не в качестве самого главного игрока, но в качестве именно балансира. Я думаю, что наше участие в ШОС, БРИКС, АТЭС очень правильно, и здесь, в моем представлении, нужно воспользоваться преимуществом, которое у нас будет.

О России хочу сказать отдельно. В неопределенном мире, который методом проб и ошибок сейчас складывается по-новому, наше место очень неясно. Несмотря на все заверения властей и тот факт, что они всегда излучают оптимизм (ведь каждая власть должна излучать оптимизм), диверсификации экономики и даже какого-либо ослабления зависимости от экспорта нефти, природных ресурсов не происходит. И это, конечно, дает очень серьезные основания говорить, что существуют реальные перспективы «сползания» в технологическое захолустье. Я специально хочу гипертрофировать данный момент, потому что, несмотря на отдельные успехи в инновационной и материальной экономике, примитивизация структуры все-таки продолжается.

Для нас это очень серьезные противоречия, потому что трудно себе представить ядерную державу без собственного машиностроения. Есть разные пути решения данной проблемы. Есть даже такие экстремальные мнения, когда говорят, что ядерная держава не может жить без собственного машиностроения (хочу подчеркнуть – собственного), и тогда нужно избавиться от ядерного оружия. Один очень известный российский поли-

тик говорил мне с совершенно серьезным видом в присутствии иностранцев (это было особенно забавно), что нас могут спасти только прямые иностранные инвестиции, прямые инвестиции – только Запад... Логика такова: Запад не доверяет нам не только из-за дефицита демократии, прав человека (это совершенно очевидная вещь), но еще и потому, что у нас есть ядерное оружие. А якобы когда ядерное оружие будет каким-то образом сдано, бурным потоком хлынут прямые иностранные инвестиции и наша экономика станет цветущей. Данная теория кажется мне бредом, но это, вообще говоря, очень важная мантра в некоторых достаточно влиятельных политических кругах.

И последний пункт – интеграция. Это очень чувствительный момент. Исследования – и теоретические, и эмпирические – показывают, что существуют страны с таким значительным населением, когда они не могут не входить в блок. Китаю, Индии с их населением не нужны никакие интеграции, у них и так сумасшедший, безграничный рынок и все такое прочее. И такое понятие, как *economy of scale* (экономия на масштабах), там работает. Противоположный пример – Люксембург, Монако. Они всегда встроены в интеграцию и используют эти преимущества экономии на масштабах. В России 140 миллионов человек, и это важно понимать. Это и не маленькая страна, которая по определению должна быть в интеграционном блоке, но и не большая, которая в нем не нуждается.

Я, например, очень горжусь, что мой институт создавал конструкцию Таможенного союза, и было очень приятно, что этот «ребенок» родился. «Ребенок» хрупкий, наследственность сомнительная, дальнейшая интеграция может столкнуться с разными проблемами. Я лично думаю, что в значительной мере «ребенок» этот уже состоялся... Реальный «ребенок», хочу подчеркнуть, впервые за 20 лет это не бумажная интеграция, а реальная. Он родился в результате, собственно говоря, отрезвления каждой советской или постсоветской республики от завышенных ожиданий, что без Москвы они устроятся на солнечной стороне жизни. Значит, эти разочарования и кризис привели к тому, что Россия уже не кажется империалистической страной. На самом деле хочу подчеркнуть, что на протяжении 20 лет в отношениях каждой постсоветской республики с Россией действовал простой принцип – максимум экономических выгод, минимум политических обязательств. Надо сказать, что впервые этот принцип был нарушен при создании Таможенного союза. И есть шансы, что наш Таможенный союз превратится в полноценный Евразийский союз, если, конечно, центростремительные силы будут преобладать над центробежными.

Здесь самый чувствительный пункт – Украина. Понятно, что без Украины не может быть полноценного Евразийского союза. И Украина сегодня между двумя гигантами – Брюсселем и Москвой. Но разные исследования, и наши в частности, показывают очень интересную, почти

шизофреническую ситуацию: для Украины абсолютное благо – вступление в Таможенный союз, затем в Евразийский союз, но вся украинская элита настроена на вступление в Европейский союз. Ни одна более-менее заметная политическая сила не выступает за возвращение в лоно России. Тем более это подтверждается разными дурацкими, я не побоюсь этого слова, опасениями Запада. А недавно даже очень мною уважаемая Х. Клинтон также заявила: мы должны сделать все против советизации постсоветского пространства. А я считаю это большой глупостью. Но тем не менее факт заключается в том, что Украина не сделала выбора и, наверное, еще долго его не сделает. В этом я вижу очень серьезные проблемы, потому что борьба за Украину только начинается¹.

Я думаю, что российское руководство могло бы вести себя более дипломатично. Хотя будь я на их месте, может быть, тоже был бы раздражен тем, что, например, Украина требует понижения цены на газ точно так же, как и белорусы. А мы им говорим: вступайте в наш клуб – понизим нефтяные цены. А что же мы будем понижать, когда вы в наш клуб не вступаете, когда вы не хотите туда вступить? Несмотря на то, что перспективы вступления в ЕС совершенно призрачные. Я помню, кстати, одну пресс-конференцию в Киеве, которую вел я и покойный ныне Виктор Степанович Черномырдин. Одна симпатичная журналистка спросила у него: «Виктор Степанович, подтверждаете ли вы, что Украина сразу после Турции вступит в Европейский союз?» Он говорит: «Да, подтверждаю». Тогда она так с гордостью спросила: «Ну а Турция когда?» – «А Турция никогда». Это, надо сказать, история правдивая, но, с другой стороны, Европейский союз твердо поставил вопрос о том, что если вы хотите в него вступить, то не может быть никакого участия в каких-либо других региональных блоках, где есть хоть какой-то наднациональный орган. И надо сказать, что технически они правы: вы можете быть в разных зонах свободной торговли, но вы не можете состоять в двух блоках, где уже имеются наднациональные блоки и органы будущего единого наднационального управления.

Жизнь сложилась такой, какова она есть. И мне кажется, нам надо быть лояльнее... Нельзя так жестко ставить вопрос: вы вступайте – тогда будут все льготы. Может быть, имело бы смысл (я писал об этом и В. В. Путину тоже) продолжать с Украиной специализацию, кооперацию в военной отрасли, в производстве пассажирских самолетов, в других отраслях, не имея в виду их вступление в Таможенный союз. Но это вопрос нюансов, здесь очень трудно напрямую что-либо советовать. Похоже, мы находимся в ситуации цугцванга, когда каждый ход плохой, но ход делать надо. В этой ситуации мы сейчас и живем.

¹ Обращаем внимание, что статья была написана еще до свержения режима В. Ф. Януковича, тем не менее автор вполне четко определил сложности развития событий на Украине. – *Прим. ред.*

Но я знаю, что тяга к восстановлению хоть какого-то постсоветского пространства очень велика. Я был в Молдове, в Тирасполе, в непризнанной республике. Там люди мечтают буквально городами, селами войти в этот самый Евразийский союз, что очень удивительно, и в Белоруссии их много. Но похоже, что это невозможно... Наши эксперты часто говорят о том, что это связано с расколом, что будто бы начальству хорошо, они не хотят объединяться, а народ хочет. На самом деле картина, конечно, более пестрая. Молодежь уже слабо понимает, что это такое – Советский Союз, русский язык, в общем-то, тоже во все большем количестве республик начинает становиться исчезающей реальностью. И здесь есть такой мощный центростремительный фактор, как кризис, депрессия. И страх перед российским господством уже уступает место страху простого выживания, что и нужно использовать.